53
2221

Н. БЕРЕНДГОФЪ

ЦѢЛЬ СМѢЛЫХЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1919 г.

2 53 2221

Н. БЕРЕНДГОФЪ

ЦѢЛЬ СМѢЛЫХЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

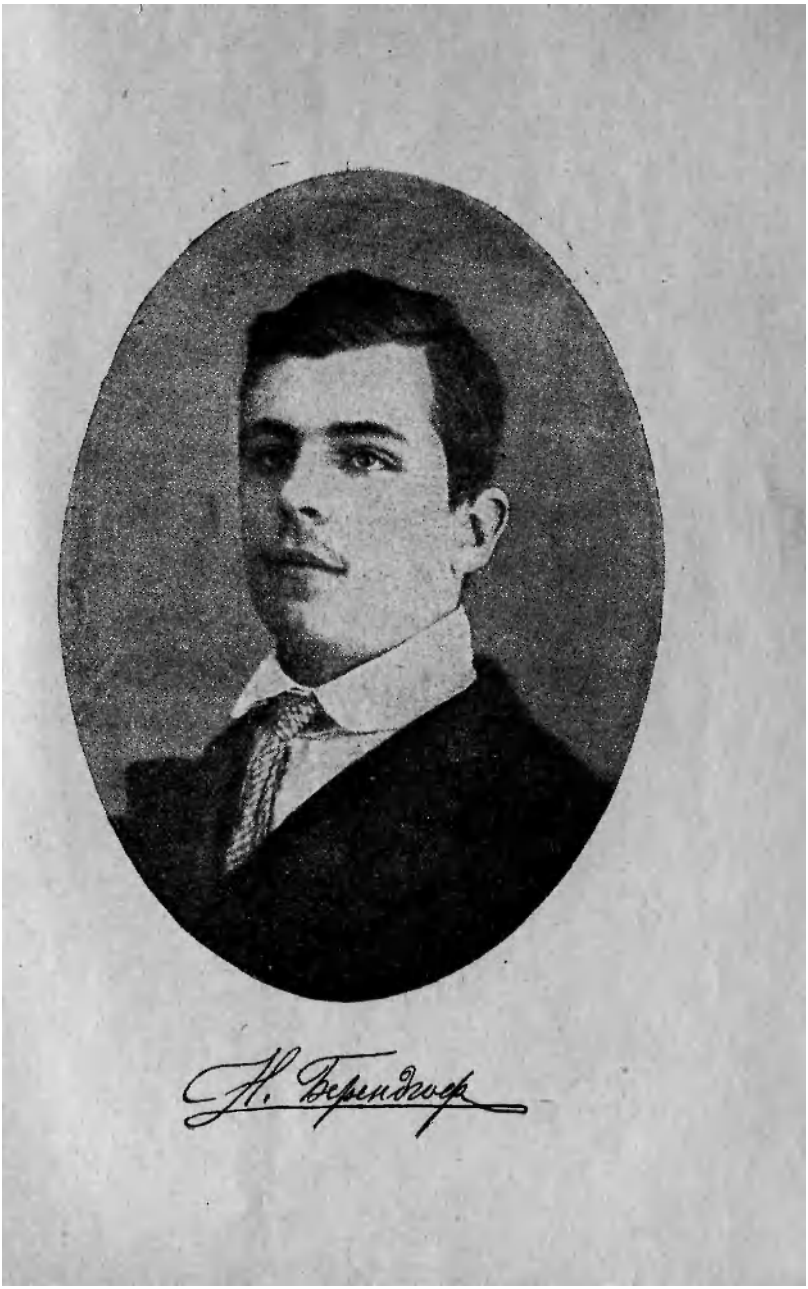
▫ ▫ 1917—1918 Г. ▫ ▫

МОСКВА.
1918 Г.

Н

Типографія кн-ва „Кошница"
Москва. Срѣтенка, М. Головинъ, 3.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 27381 1925 г.


H. Berendsohn

ЦѢЛЬ СМѢЛЫХЪ.

I.

Островъ мрачный въ океанѣ.
Темный въ сумракѣ гранитъ—
— Горы высятся въ туманѣ.
Волны бурныя катитъ
Океанъ необозримый...
Средь отвѣсныхъ, грозныхъ скалъ.
Средь утесовъ—исполиновъ
Въ высотѣ орелъ леталъ...
— „Я свободный, на просторѣ,
Въ небесахъ парю одинъ.
Подо мною горы, море“...
Думалъ гордый властелинъ.
— „Но летаешь ты безъ цѣли
И не знаешь счастья ты.
Вѣдь родныя скалы—мели...
Знаю я твои мечты.

Ты желаешь быть всесильнымъ,
Покорить вокругъ просторъ.
Въ тотъ просторъ непостижимый
Тщетно ты вперяешь взоръ.
Тщетно силишься загадку
Ты, ничтожный, разъяснить.
Но вселенную догадкой
Не представить, не рѣшить.
Что для глазъ твоихъ незримо,
Что скрываетъ тотъ туманъ,
Такъ влечетъ неотразимо,
Знаетъ бурный океанъ...“
Море какъ бы откликалось:
— „Мысли гордыя суть бредъ.“
Птица властная внимала
Моря грознаго отвѣтъ.
И закрались вдругъ сомнѣнья
Въ сердце гордое орла.
Жгучей болью сожалѣнья
Мысль пронзила, какъ стрѣла.
— „Все не вѣчно и превратно.
Жизнь мелькнетъ какъ смутный сонъ
Предъ пространствомъ необъятнымъ
Какъ безсиленъ, жалокъ онъ“.
Снова вдохновенной силой
Въ сердцѣ прозвучалъ призывъ.
Мысль иная озарила,
Вспыхнулъ къ смѣлому порывъ.

—„Не смиряюсь я, мятежный.
Я стремлюсь всегда впередъ,
Черезъ океанъ безбрежный
Совершу я перелетъ“.
Быстрымъ взглядомъ, яркимъ окомъ
Царь небесъ вокругъ взглянулъ.
Крыльями взмахнувъ широко,
Въ блескѣ неба потонулъ.

II.

—„Тамъ, за гранью горизонта,
Есть чудесная страна.
Лучезарная при солнцѣ,
Вся въ сіяніи она.
Тамъ чуть слышно волны плещутъ,
Зыбкій движется хрусталь,
Голубое море блещетъ,
Какъ расплавленная сталь“.
Грезилъ такъ орелъ мятежный,
Зоркимъ окомъ въ даль глядѣлъ.
Только океанъ безбрежный
Видѣлъ онъ. Но все летѣлъ.
Вотъ замѣтилъ: чуть волнами
Море плещетъ. Море спитъ.
Солнце яркими лучами
Гладь стальную золотитъ.

Дальше виденъ островъ чудный.
Какъ плѣнялъ усталый взоръ
Лучезарный, изумрудный,
Зеленѣющій коверъ.
Ослѣпительно сіяя,
Въ блескѣ солнечныхъ лучей,
Серебромъ живымъ сбѣгаетъ
Съ горъ стремящійся ручей.
Тамъ трепещетъ чуть волною
Море... блещетъ бирюзой.
Тоже море голубое:
Небосводъ надъ головой.
Оглянулъ орелъ усталый
Быстрымъ взглядомъ все кругомъ.
Все о счастіи звучало.
Царство сказки мнилось сномъ.
Море волнами плескалось,
Небо слало яркій свѣтъ.
Все какъ будто улыбалось.
И орелъ внималъ привѣтъ:
— „То, что видишь предъ собою,
То не грезы... не мечты,
Твердый мыслію одною,
Все достигъ желаньемъ ты".
— „Я на свѣтѣ видѣлъ мало,
И не конченъ перелетъ.
Отдохну лишь тутъ... Усталъ я,
А потомъ лечу впередъ".

Лишь воспрянувъ съ новой силой,
Царь небесъ готовъ былъ въ бой
И, поднявшись въ высь, увидѣлъ
Снова море подъ собой...
И просторъ необозримый,
Царство сказки было жаль,
Но влекло непостижимо
Въ ту загадочную даль...
— „За безбрежнымъ океаномъ
Есть еще страна чудесъ,
Но не видно за туманомъ“...
Мыслилъ гордый царь небесъ.
Облетѣть міръ необъятный
Онъ желаніемъ горѣлъ.
—„Ужъ рѣшенье невозвратно“,
Думалъ онъ. И все летѣлъ.
Онъ грустилъ.—„Ослабли крылья,
Но еще манятъ мечты.
Вотъ послѣднія усилья,
И я ринусь съ высоты.
Ринусь въ волны я съ размаха
И покончу съ жизнью счетъ.
Но въ предсмертный часъ, безъ страха,
Слабый, рвуся я впередъ..
Или гибель, или слава
Смѣлыхъ ждетъ въ своемъ пути.
Жизнь—игрушка и забава
Злой иронiи судьбы“.

Жизнь—терзанье. Жизнь—сомнѣнье.
Жизнь—тяжелая борьба.
Но для смѣлыхъ нѣтъ смущенья.
Жизнь во власти ихъ—раба.
Ихъ девизъ: не знайте страха.
Страхъ въ житейскомъ морѣ—мель.
Пусть погибнете съ размаха,
Но безсмертна смѣлыхъ цѣль".

Какъ зарница озареньемъ
Лучше вспыхнуть... и мелькнуть.
Новымъ смѣлымъ поколѣньямъ,
Проложить открытый путь...
Если счастье быстро рухнетъ,
Вѣритъ геній лишь въ одно:
Жизнь погаснетъ—не потухнетъ
Мысль безсмертная его.

ОСТРОВЪ СЧАСТЬЯ.

I.

Люблю я сказки старины.
Сквозь сумракъ лѣтъ, сквозь тьму вѣковъ,
Завѣсу разрывая тьмы,
Я вижу тѣни мудрецовъ.
Я въ царствѣ сказки и мечты,

Туда я устремляю взоръ...
И предо мной витаютъ сны.

. . . . . .

Какъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ..

***

Когда-то жилъ мудрецъ одинъ.
Не зналъ покоя ночью онъ,
Гнетущей мыслію томимъ.
Та мысль была—прекрасный сонъ—
Переселиться въ міръ другой,
Какъ на землѣ его найти?
Но было мнимою мечтой,
Какъ счастье въ жизни обрѣсти.
Вѣдь этотъ міръ горючихъ слезъ.
Какимъ-то чудомъ онъ узналъ,
Что существуетъ царство грезъ,
О чемъ такъ много лѣтъ мечталъ.
Въ томъ мірѣ островъ: Чудный видъ.
Хрустальный замокъ. Всюду блескъ.
Тамъ бурный океанъ кипитъ...
И волнъ тамъ слышенъ ревъ и плескъ.

II.

Здѣсь все проходитъ быстротечно.
Здѣсь слышны стоны, льется кровь.
Тамъ все прекрасно и все вѣчно.

Въ томъ мірѣ царствуетъ любовь.
Мудрецъ увидѣть жаждалъ страстно
Ту лучезарную страну.
Но это грезы. Сонъ прекрасный.
„Осуществить свою мечту,
Найти другой міръ во вселенной".
Былъ занятъ мыслью онъ всегда:
Гдѣ островъ счастья отдаленный,
Гдѣ чужда жизни суета?

. . . . . .

И онъ туда переселился...
Чудесный островъ передъ нимъ.
Прекрасный сонъ ему приснился!
Онъ въ изумленьи недвижимъ,
Стоитъ одинъ въ сіяньѣ рая.
Пылая солнечнымъ огнемъ,
Горитъ окрестность, не сгорая,
Вся ослѣпительна кругомъ...
Облитый солнцемъ, весь сіяетъ,—
Хрустальный замокъ на горѣ.
Цвѣтами радуги играютъ
Лучи, ласкаясь на стеклѣ.

III

. . . . . .

Вдругъ небо тучами покрылось.
Врывалась тьма въ блестящій день.

Ужъ солнце за горами скрылось.
И на окрестность пала тѣнь.
И вскорѣ молнія блеснула.
Тотчасъ же грянулъ сильный громъ.
Еще раскатъ. Земля вздрогнула.
Затрепетало все кругомъ.
Небеснымъ громомъ оглушенный,
На землю въ страхѣ онъ упалъ.
И яркимъ свѣтомъ ослѣпленный,
Онъ слухъ и зрѣнье потерялъ.
Разрушились его мечтанья.
Исчезли грезы жизни всей.
Онъ понялъ, что его исканья
Всѣ недоступны для людей.

. . . . . .

И въ тотъ же мигъ проснулся онъ.
Прозрѣлъ. И вновь увидѣлъ свѣтъ,
Но долго помнилъ этотъ сонъ.
О немъ мечталъ онъ много лѣтъ

*
* *

Люблю я сказки старины.
Сквозь сумракъ лѣтъ, сквозь тьму вѣковъ,
Завѣсу разрывая тьмы,
Я вижу тѣни мудрецовъ...

КРИКЪ ДУШИ.

Просилъ старикъ, калѣка-нищій, подаянья,
И взоръ его дышалъ безмолвною тоской.
Подавленный нуждой и тяжкимъ испытаньемъ,
Дрожащій, онъ стоялъ съ протянутой рукой.
...И уходилъ бѣднякъ въ свои воспоминанья.
Всплывала жизнь его, мелькнувшая, какъ сонъ.
Счастливые часы и долгія терзанья
Онъ ясно вспоминалъ: Вѣдь былъ когда-то онъ
Здоровъ, не зналъ нужды, былъ въ юности счастливымъ.
То было такъ давно, но память такъ свѣжа.
Улыбкой озаривъ, умчалась торопливо
Коварная любовь, и счастье унесла.
Разбила жизнь его. Вначалѣ, лучезарнымъ,
Короткимъ, яркимъ сномъ весна любви прошла.
Но свѣтлая пора смѣнилась сномъ кошмарнымъ.
Настала ночь души. И радость умерла.
И ощущалъ старикъ холодныя объятья,
— То приходила смерть съ кровавою косой.
И съ посинѣлыхъ губъ срывалися проклятья:
„Жестокая судьба, истерзанъ я тобой“.
— „Страдальцы жизни сей, убогіе—счастливы“,
Съ ликующихъ небесъ услышалъ пѣснь старикъ:
„Ты жизнь свою влачилъ, калѣка, терпѣливо.

Сомнѣнія въ душѣ закрались въ этотъ мигъ".
Взглянулъ тогда бѣднякъ... Ужасный призракъ скрылся,
Стоявшій передъ тѣмъ съ кровавою косой.
Свѣтло... Свѣтло кругомъ. То — ангелъ бѣлокрылый
Лучами мракъ убилъ, вступивъ со смертью въ бой.
— „Къ чему прельщаешь ты, о ангелъ, жизнью ясной,
„Покой одинъ мнѣ дай! Истерзанъ я душой.
Я у Творца молилъ забвенья ежечасно,
Но тщетны всѣ мольбы", шепталъ старикъ больной.
— „Исполнено твое послѣднее желанье—
Внезапно смерть придетъ. Богъ вынесъ приговоръ",
Былъ ангела отвѣтъ. И въ радужномъ сіяньи
Открылъ глаза бѣднякъ. И встрѣтилъ ясный взоръ
Посланника Творца. „Страшна ты и красива.
Жизнь—суета-суетъ", мечталъ бѣднякъ-старикъ.
Обманчиво длинна, какъ сонъ мелькнула живо.
„Мнѣ жаль тебя!!!" То былъ души послѣдній крикъ.

ФАНТАЗІЯ.

Грезы счастья навѣвали
Сказку свѣтлую въ тиши.
Пѣсню чудную слагали
Для страдающей души.
Думы-грезы чаровали
И манили въ ихъ края,
Сновидѣньемъ усыпляли
И лелѣяли меня.

I.

Сонъ чудесный снился мнѣ.
Мнилось: въ сказочномъ краю—
Я у моря на скалѣ,
Очарованный, стою.
Различить я могъ въ дали
Сильный яростный прибой.
Волны смѣло шли и шли,
Мчались грозною грядой.
Лишь на берегъ я вступалъ.
Море злобно предо мной
Всколыхнулось. Я упалъ,
Смытый шумною волной.

II.

Море жутко клокотало,
Волны смѣло мчались въ бой.

Море грозное рыдало...
И я слышалъ жуткій вой,
Слышалъ стоны и рыданья.
Мчался съ ревомъ мощный шквалъ
. . . . . .
Лишь на Небо упованья я хранилъ и не терялъ.
Волны мощно бушевали.
„Боже, сжалься надо мной“,
Чуть уста мои шептали,
Полны пламенной мольбой.
„Есть предѣлъ Господню гнѣву“.
Я надѣялся и зналъ:
Донеслись молитвы къ небу—
Вѣтеръ въ морѣ утихалъ.
Я предчувствовалъ заранѣ
И себя спасеннымъ мнилъ.
Тамъ замѣтилъ я въ туманѣ:
...То вдали корабль плылъ.
Волны грозныя, смиритесь!!!
Вѣрю: счастье ждетъ меня.
Силы, снова возвратитесь!
Снится родина моя.

III.

Вижу берегъ я вдали.
Вотъ вблизи моя страна.
Слышу звонъ съ родной земли,
Звуки неба, грезъ и сна.
Колокольный нѣжный звонъ,

Звонъ пасхальный на Руси.
Яркихъ грезъ чудесный сонъ
Вновь воспрянувшей души.

IV.

Въ дивныхъ звукахъ раздаются
Пѣсни счастья и любви.
Чу! они поютъ и льются,
Замираютъ тамъ въ дали.
Громче, звуки, раздавайтесь!
Лейтесь въ душу безъ конца,
Смѣло, вѣчно восхваляйте
Міръ, Небеснаго Творца!
Снова, съ силой возрастая,
Звуки чудные лились.
Сердце, нѣжностью плѣняя,
Яркой радостью зажглись.

* *
*

Грезы счастья навѣвали
Сказку свѣтлую въ тиши,
Пѣсню чудную слагали
Для страдающей души.

ГИМНЪ.

Господь! Сохрани Русь святую.
Ее отъ враговъ защити.
Вражду прекрати роковую,
Народу дай счастья пути...
Пусть вспыхнутъ святыя стремленья,
Пусть время настанетъ труда.
— „Къ прогрессу! на путь просвѣщенья!!!"
Девизъ прозвучитъ навсегда.
Пусть минутъ кошмарные годы
И пламя вражды догоритъ,
А солнце любви и свободы
Родную страну озаритъ.

ВАМПИРЪ.

Взгляни на картину страданья:
Въ странѣ, гдѣ насилье царитъ,
Устала душа отъ терзанья.
Надъ бездной отчизна виситъ.
Отчизна святая мнѣ снится.
Она умираетъ въ крови...
Когда же, когда загорится
Заря золотая любви?

* *

Кровавымъ мечомъ потрясая,
Мнѣ мнится, крадется вампиръ,
Крылатое „миръ“ возвѣщая,
Онъ хочетъ разрушить весь міръ.
Онъ всюду святое сметаетъ,
Онъ рушитъ участье, любовь
И искрой вражду разжигаетъ,...
Вампиръ пьетъ невинную кровь.
Разъяренный звѣрь негодуетъ,
И въ пропасть толкаетъ злой рокъ.
Народныя волны бушуютъ,
И въ бездну стремится потокъ.
Въ странѣ гдѣ потухли стремленья,
Гдѣ мракъ и насилье царитъ,
Вампиръ безъ конца наслажденья,
Хвалясь самъ съ собой говоритъ:
— „Я варваръ, безсмертный, прекрасенъ,
Я въ силахъ разрушить весь міръ
О, взглядъ мой жестокій ужасенъ.
Я кровью залитый вампиръ.
Подъ властью моею—стихія.
Войну я зажегъ... міръ горитъ.
Надъ пропастью дремлетъ Россія,
Великій—у ногъ моихъ спитъ.

Кровавой враждой я пылаю,
Смѣюсь надъ несчастьемъ въ тиши
Я братство людей проклинаю,
Не знаю я стоны души.
Не знаю любви, сожалѣнья,
Не знаю позора, стыда.
Повсюду творить разрушенья
Горю я желаньемъ всегда."

***

Взгляни на картину страданья.
Въ странѣ, гдѣ насилье царитъ,.
Устала душа отъ терзанья.
Надъ бездной отчизна виситъ.
Отчизна святая мнѣ снится.
Она умираетъ въ крови.
Когда же... когда загорится
Заря золотая любви?
Когда же вновь вспыхнутъ стремленья,
Настанетъ свобода и миръ?
Я вѣрю: исчезнутъ сомнѣнья
И скроется злобный вампиръ!

ВЗГЛЯНИ СВѢТЛѢЙ.

Съ неба пала слеза. Тамъ въ лощинѣ роса
— Чудный жемчугъ сіяетъ въ травѣ.
Какъ природа свѣтла. Блескомъ рѣжетъ глаза,
Но не вижу я счастья въ красѣ.
Счастье — призракъ всегда! Жизнь терзаетъ меня;
Не вернуть ужъ прошедшаго вновь.
Тамъ увяла она, въ блескѣ чуднаго дня.
Не увяла святая любовь.
Искра жизни была. Но теперь замерла.
И угасъ въ сердцѣ радостный свѣтъ.
Безъ надежды мечта. И безъ вѣры душа —
Счастья свѣтлаго въ жизни ужъ нѣтъ.
Какъ страдала она. Какъ любила меня,
И молитвой звучала любовь.
Насмѣялась судьба. Погубила тебя.
Жизнь — вампиръ пила теплую кровь.
О тебѣ я мечталъ. Я молился, страдалъ...
Какъ усталъ я отъ жизненныхъ мукъ!
Я безумно рыдалъ. Имя свѣтлое звалъ,
Только имя — ласкающій звукъ.
Но напрасны мольбы истомленной души,
Проклинаю тебя, грустный міръ.

Нѣтъ сильнѣе любви. И рыдалъ я въ тиши.
„Роковая судьба, ты—вампиръ!“

Съ неба пала слеза... Тамъ въ лощинѣ роса,
— Чудный жемчугъ играетъ въ травѣ.
Какъ природа свѣтла. Блескомъ рѣжетъ глаза
Отчего же такъ грустно тебѣ?
Видишь, солнце взошло. Озарило свѣтло
Золотистымъ потокомъ лучей,
А въ душѣ такъ темно. Позабудь горе-зло
И взгляни на природу свѣтлѣй.
Загляни ей въ глаза. И утихнетъ гроза,
Бушевавшая въ сердцѣ твоемъ.
Снова вспыхнетъ мечта. И воспрянетъ душа,
Такъ плѣнившись надеждой—лучомъ.

ВЪ ПЛЕСКѢ ВОЛНЪ.

Тихій, теплый вечеръ.
Полная луна.
Озеро заснуло.
Замерла волна.
Зеркало—поверхность
Мѣсяцъ серебритъ.
Вдалекѣ я вижу—
Лодка чуть скользитъ.

Ночь въ лазурной краскѣ
Въ очи мнѣ глядитъ,
Какъ въ волшебной сказкѣ,
Озеро горитъ.
Небосклонъ безбрежный
Блещетъ, какъ сапфиръ.
Тихо. Безмятежно
Спитъ усталый міръ.
Бѣлый свѣтъ печальный
Льется съ вышины.
Въ озерѣ зеркальномъ—
Свѣтлый дискъ луны,
Ярко отражаясь,
Блещетъ словно сталь.
Воздухъ я впиваю
Чистый, какъ хрусталь.
Ночь лелѣетъ лаской,
Я восторгомъ полнъ.
Чу! Я слышу сказку
Въ тихомъ плескѣ волнъ. .

ПОГИБШІЙ ОРЕЛЪ.

Поле, полное народа.
Всѣ въ безмолвіи глядятъ...
Ясный день. Свѣтла природа.
Небеса въ лучахъ горятъ.
Въ сердцѣ искра счастья тлѣетъ
Волны свѣта солнце льетъ.
Что за птица въ небѣ рѣетъ?
То поднялся самолетъ.

Летчикъ въ высь стремился смѣло,
Въ ширь стихіи голубой.
Ослѣпительно горѣло
Небо яркой бирюзой.
Было счастьемъ и отрадой
— Ближе къ солнцу, въ небеса.
И съ безумною отвагой
Смерти онъ глядѣлъ въ глаза.
„Я люблю тебя, свобода,
Жизнь отдамъ за чудный мигъ“
Съ голубого небосвода
Смотритъ солнце—Божій ликъ.
. . . . . .
Мысль, какъ яркая зарница,

Умъ его прожгла тоской.
Вся дрожитъ стальная птица,
А въ моторѣ перебой ..
Самолетъ вздрогнулъ... забился,
Къ вѣрной гибели онъ шелъ.
Съ высоты упавъ, разбился,
Какъ подстрѣленный орелъ.
Лучезарный блескъ лазури
Въ ясномъ небѣ голубомъ.
Такъ былъ чуждъ душевной бури,
Чуждъ сердцамъ толпы кругомъ.

Человѣкъ—великій геній.
Жаждѣ знаній нѣтъ конца.
Есть предѣлъ его стремленьямъ,
Не затмить ему Творца...

ЧАРЫ ЖИЗНИ.

Бодрый когда-то, теперь—изнывающій
Плачетъ ребенокъ – старикъ.
Шепчетъ чуть слышно въ тиши умирающій:
„Жизнь только сонъ, только мигъ".
Рой позабытыхъ видѣній мелькающихъ
Мчится предъ нимъ какъ ручей.

Какъ бы свѣтъ радостный мракъ убивающій,
Хлынулъ потокомъ лучей.
Мысль, озаривъ, пронеслася зарницею.
Видитъ онъ прошлое вновь.
Вспомнилъ онъ все... И плывутъ вереницею
Юные годы... Любовь.
Сердце пылаетъ огнемъ возрастающимъ,
Вспыхнула искра любви.
„Дай насладиться мнѣ счастьемъ
скрывающимъ,
„Жизнь! Умираю, прости!“
Жаждетъ на мигъ лишь вернуть умирающій,
Что невозвратно прошло.
Жизнь истерзавшая шепчетъ вѣщающе:
— „Любишь меня ты!!! За что?“
Снова она призываетъ ласкающе
Чары всесильной любви,
Снова чаруетъ улыбкой плѣняющей:
— „Жизнь, не прельщай, не зови!!!“

СТРЕМЛЕНІЕ КЪ НЕБУ.

Необъятный просторъ. Безконечная даль
Голубыхъ лучезарныхъ небесъ.
Отчего мнѣ такъ грустно? Прошедшаго жаль.
Отчего жизнь не сказка чудесъ?
Какъ красивъ небосклонъ, мощной ширью
дыша.

Я хотѣлъ бы какъ птица парить!
О, какъ вырваться хочетъ на волю душа,
И преграды судьбы разрѣшить!
О, какъ къ солнцу и къ свѣту стремится она,
Весь небесный просторъ покорить!
И какимъ-то желаніемъ свѣтлымъ полна
Лишь свободу святую любить.
Какъ хотѣлось, чтобъ крылья меня унесли!
Я умчался-бъ безъ страха впередъ;
А чѣмъ дальше отъ міра, отъ грѣшной земли,
Тѣмъ свободнѣй и легче полетъ.
О, какъ вольно и властно надъ міромъ парить,
Какъ прекрасны и смѣлы мечты.
Такъ стремитесь же къ небу просторъ
покорить
И разрушить преграды судьбы!

ЛУЧЪ ЖИЗНИ.

Ночь тянулась тоской.. Призракъ черный и злой
Надо мною во мракѣ виталъ.
Я метался больной, я просилъ лишь покой.
Я слабѣлъ. Я мерцалъ. Угасалъ.
„Крылья... Свѣта. Темно. Улечу высоко“,
Лепеталъ я безсвязно въ бреду.
„Позабуду я зло. Тамъ легко... Тамъ свѣтло“.
Мысль пылала въ горячемъ мозгу.
Надъ моей головой смерть стояла съ косой,
Все слѣдила за жертвой своей.
Ангелъ все предо мной, озарилъ какъ мечтой,
Мракъ прорѣзалъ потокомъ лучей.
Силы жизни онъ влилъ. Я воспрянулъ душой.
Взоръ потухшій зажегъ. Я воскресъ.
Угрожая косой, скрылся темный и злой
— Призракъ смерти во мракѣ исчезъ.
Я проснулся тогда, какъ отъ тяжкаго сна.
Пробудился я снова могучъ.
Трепетала душа, силъ и счастья полна.
Воскресилъ ее радостный лучъ.

ЗВѢЗДА ВИѲЛЕЕМА.

Украшена елка. Уборъ такъ наряденъ,
Красивъ въ сочетаньи вещей.
Онъ взоръ мой чаруетъ. И сердцу отраденъ
Весь блескъ разноцвѣтныхъ огней...
И скорби земныя забылись .. терзанья
Затмить этотъ блескъ не могли.
И шли вереницей въ лучахъ вспоминанья
Минувшіе годы и дни.
Что было когда-то давно пережито,
Обвѣяло сказкою вновь.
И вспомнилъ я все... все, что было забыто.
И вѣрилъ я въ счастье, въ любовь.
И вспыхнули въ сердцѣ святыя стремленья,
Еще не погасла мечта.
Къ всесильной любви и на путь озаренья
Ведетъ Виѳлеема звѣзда.

ВОСПОМИНАНІЕ МИНУВШАГО.

Забытый старый паркъ, теперь ужъ въ за-
пустѣньи,
Таитъ слѣды минувшаго воспоминанья.
У озера, въ кустахъ жасмина и сирени,
Я предался мечтамъ. И былъ въ очарованьи...

***

Любимый уголокъ святого вдохновенья!
Лишь тамъ лелѣялъ я завѣтную мечту.
И уносился въ міръ волшебныхъ сновидѣній
Съ желаніемъ любить природу—красоту.
Тишь. Вѣетъ вѣтерокъ.. деревья чуть колышетъ,
Колеблетъ у воды трепещущій камышъ.
На небѣ голубомъ, сіяя, солнце пышетъ.
Чу! слышно: соловей въ лѣсу прорѣзалъ тишь.

***

Люблю тропинки я запущеннаго парка.
Вездѣ таинственно и дико все кругомъ.
И въ лѣтнемъ зноѣ, въ глубинѣ лѣсовъ не жарко,
На солнц озеро сверкаетъ серебромъ.
Красиво озеро въ прекрасную погоду.
Волшебный, сказочный, чудесный небосклонъ.
Какъ я люблю одну ее, красу—природу!
Я забываю жизнь, но вижу свѣтлый сонъ.

Тутъ вновь обвѣяли меня воспоминанья.
Въ забытомъ, старомъ паркѣ и въ родной глуши.
Я вспомнилъ живо все, блаженства и страданья.
Молиться и рыдать хотѣлось мнѣ въ тиши.
Но бушевалъ восторгъ въ душѣ земною страстью,
Забытыя мечты терзали сердце вновь.
Не видѣлъ я конца томительному счастью.
И снова вспыхнула забытая любовь.

. . . . . .

Зеркальная вода, стальная гладь, сіяла
Камышъ чуть колыхался въ сладкомъ полуснѣ.
Волшебной тишинѣ природа вся внимала.
Въ истомѣ, въ чарахъ сна, свѣтилось счастье мнѣ...

ЗАБЫТЫЙ РОМАНСЪ.

Чу! сладкимъ, любовнымъ призывомъ
Забытый романсъ прозвучалъ.
Онъ нѣжнымъ, печальнымъ мотивомъ
О жизни прошедшей рыдалъ.
И пѣсня чудесно звучала.
Своей истомленной душой
Пѣвица о жизни страдала,
Страдала отъ страсти земной.
Любимая пѣсня былая
Восторгомъ обвѣяла вновь,
А свѣтлая радость земная
Въ душѣ зажигала любовь.
„О, пѣсня любви и свободы,
Ты душу терзаешь мою!
Я вспомнила свѣтлые годы,
Погибшую юность свою".
Мелодія вдругъ оборвалась,
Внезапно все смолкло кругомъ.
Пѣвица въ экстазѣ рыдала,
Мечтая о свѣтломъ быломъ.

ПѢСНИ ГРУСТИ И СЧАСТЬЯ

Чу! звукъ лиры—это пѣснь звучитъ поэта,
Жаждущаго свѣта, воли и любви.
Онъ поетъ печально:—жизнь пошла, банальна.
Что же идеально!... Что же, назови?
Только гробовая тишина нѣмая
Спитъ тоску рождая, сумрачно вокругъ.
Сердце разрывалось... крикнулъ, разрыдался
Эхомъ отозвался вопль—плодъ долгихъ мукъ.
Струны зарыдали... жалобно звучали...
И въ душѣ дрожали, и тѣснили грудь.
Въ этотъ день дождливый, сосны горделиво
Томно, молчаливо колыхались чуть.
И грустили ели—вѣтви не шумѣли,
Но на нихъ блестѣли слезы, какъ алмазъ,
Пѣсня возростала, то опять стихала...
И вокругъ внимало все ей въ этотъ часъ.
Звуки струнъ слабѣли—тихо, тихо пѣли,
Зарыдать хотѣли. Чуть журчалъ ручей.
Уносили грезы. Плакали березы,
Стряхивая слезы съ молодыхъ вѣтвей.
Но уже смеркалось.—И съ землей прощалось
Солнце. Расплавлялось въ золото оно.
Солнце умирало. Ночь ужъ наступала.
Легче грудь дышала... Пѣлъ поэтъ:—„Полно
Небо звѣздъ лучистыхъ, чудныхъ, золотистыхъ
Только свѣтлыхъ, чистыхъ я душой ищу“.

— „Я сквозь мглу ненастья вижу: свѣтитъ счастье:
Лишь найти участье... я по немъ грущу!...“
Раздавалась гдѣ-то тихо пѣсня эта.
Чуткій слухъ поэта уловилъ все въ ней.
Пѣсня разросталась... небо улыбалось.
Все вокругъ смѣялось въ серебрѣ лучей.
И поэтъ былую вспомнилъ пѣснь родную.
(Самъ сложилъ тоскуя онъ ее давно).
Чуть въ душѣ мерцала скорбь... и догорала.
Сердце замирало, радости полно.
„Кто-жъ пѣлъ тихо, ясно? Вотъ она!... прекрасна!
Вижу“. Въ взглядѣ страстномъ вспыхнула любовь.
Искра счастья тлѣла... Пѣснь въ душѣ звенѣла
И любовь горѣла въ сердцѣ его вновь.
Лира драгоцѣнна, пѣсня же безцѣнна,
А любовь—священна. Жизни въ ней удѣлъ.
И молились струны этой ночью лунной.
Возрожденный, юный, о любви онъ пѣлъ.
Затаилъ дыханье лѣсъ въ очарованьи,
Въ голубомъ сіяньи лунной ночи той.
Въ полуснѣ, въ мечтаньи, какъ ручья журчанье,
Слышалось шептанье—„Пой о счастьѣ, пой!...“

САМУМЪ.

Пустыня спитъ. Палящій зной,
И вѣтеръ жгучій дуетъ.
Но приближенье бури злой
— Самума путникъ чуетъ.
Все гуще стелется туманъ,
Темнѣя ежечасно.
Спѣшитъ укрыться караванъ
Туда, гдѣ безопасно.
Но какъ уйти отъ мрачныхъ думъ:
Предчувствіе вѣщаетъ,
Что приближается самумъ,
Всѣхъ въ жертву обрекая...
Вотъ вихремъ взвившійся песокъ
Туманомъ застилаетъ...
Самумъ—пустыни грозный рокъ
Все на пути сметаетъ.
Густыми тучами плыветъ
И, всюду проникая,
Песокъ страданія несетъ,
Пустыню засыпая...
Самумъ прошелъ. Погибли всѣ.
Одинъ феллахъ несчастный
Лишь уцѣлѣлъ. И на пескѣ,

Въ страданіяхъ ужасныхъ,
Палящей жаждою горя,
Онъ корчась, умираетъ...
Молитву громкую творя
То бьется, то рыдаетъ.
И видъ его внушаетъ страхъ.
Мольба невыразима.
„О, сжалься надо мной Аллахъ!
Жара невыносима.
Въ пустынѣ знойной я въ пескахъ
Сахары раскаленной
Погибну". Думаетъ феллахъ,
На гибель обреченный.
Вотъ положеніе его
Вступаетъ въ новый фазисъ.
И видитъ онъ: недалеко
Раскинулся оазисъ.
„Я вижу, о какой пейзажъ,
Онъ манитъ и чаруетъ".
И бѣдный плачетъ. Но миражъ
Терзанья не врачуетъ...
О, всѣ видѣнія—обманъ.
Страдалецъ умираетъ.
Проѣдетъ мимо караванъ—
Молитву возсылаетъ,
Увидя смерти жуткій слѣдъ
— Останки жертвъ самума:
„Погибнемъ также мы, иль нѣтъ?"

Томитъ одна лишь дума
Несчастныхъ путниковъ иныхъ
Въ степи необозримой,
И призываютъ всѣхъ святыхъ
Они, при бурѣ мнимой.

***

Застигнутъ бурей караванъ,
И весь онъ погибаетъ.
Житейскій бурный океанъ
Несчастнаго швыряетъ.
Инымъ коварная судьба
И счастіе даруетъ.
Ихъ путеводная звѣзда
Ведетъ. Ихъ смерть минуетъ.

ПАСХАЛЬНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ

Гулкій благовѣстъ несется,
Далеко кругомъ звучитъ.
Въ сердцѣ счастьемъ отдается,
Душу радостно тѣснитъ.
Снова скорби утихаютъ.
Я надеждъ и счастья полнъ.
Звѣзды радужно мерцаютъ.
Ясный, синій небосклонъ.
Звонъ гудитъ, поетъ и льется,
Въ воздухѣ плыветъ, дрожитъ.
Гулкій благовѣстъ несется,
Далеко кругомъ звучитъ.

МОЛИТВА МАТЕРИ.

На образъ Господень страдалица-мать
Свой взоръ устремила съ мольбою.
Она такъ привыкла о сынѣ страдать,
Томиться глубокой тоскою.
За сына молилась дни, ночи она
Святою и чистой любовью.
И мнился ей сынъ: тамъ въ разгарѣ война...
Поля, обагренныя кровью.
Надеждой и пламенной вѣрой полна,
Но мыслью томясь роковою,
Съ глубокою скорбью молилась она,
О сынѣ терзаясь душою.
А тамъ, подъ свинцовымъ дождемъ на поляхъ,
Залитыхъ желѣзомъ и кровью,
Страдалицу—мать, со слезами въ глазахъ,
Сынъ вспомнитъ съ горячей любовью.
Какъ витязь отважный, онъ ринется въ бой
— Отчизну свою защищаетъ,
Хранимый горячей молитвой святой.
Вездѣ его чудо спасаетъ.

МОГУЧІЯ РИФМЫ.

Слагалъ я стихи въ вдохновеніи свѣтломъ,
Въ сознаньи поэта былъ твердъ.
Рождалися рифмы, рождалися фразы,
Сливаясь въ могучій аккордъ.
Призывы къ любви и стремленія къ счастью
Такъ чужды печальной земли.
Блестящія фразы и рѣзвыя рифмы
Подъ звуки мелодіи шли.
Быть можетъ лишь грезы святыя мечтанья...
Пусть грезы!... Къ чему мнѣ любовь?
—Однѣ только мысли мнѣ счастье вскрываютъ,
Вскрываютъ минувшее вновь.
И слово отъ сердца молитвой звучало,
Былъ въ радости свѣтлой я гордъ.
Послѣднюю фразу надеждъ и мечтаній
Закончила рифма-аккордъ.

***

Алмазами роса сверкаетъ. Серебромъ
Окованъ какъ бы садъ.
— Сіяніе луны. А въ воздухѣ ночномъ
Разлитый ароматъ.—
— Дыханіемъ цвѣтовъ струитъ ночной зефиръ
На небѣ звѣздъ узоръ.
Взгляни на небеса, на блещущій сапфиръ,
Взгляни на тотъ просторъ...

***

...Блестѣли хрустальныя льдины...
Свѣтъ лунный вокругъ озарялъ.
И снилось ему, что въ равнинѣ,
Ребенокъ въ снѣгахъ замерзалъ.
Равнина холоднымъ дыханьемъ
Его леденила. Онъ спалъ
И ангелъ, при лунномъ сіяньѣ,
Какъ памятникъ бѣлый, стоялъ.
Склонился надъ нимъ онъ съ участьемъ,
И душу безгрѣшную взялъ...
Для новой борьбы съ темновластьемъ
Послѣднія силы сбиралъ.
И были не тщетны усилья
-- Онъ цѣпи земныя рванулъ.
Расправивъ могучія крылья,
Во мракѣ ночномъ потонулъ.
Въ объятіяхъ ангела, мнилось,
Горячей любовью дыша,
Туда, въ небеса, возносилась
Святая ребенка душа...

СВѢТЪ И МРАКЪ.

Балъ въ шумномъ, веселомъ разгарѣ.
Жизнь кажется ярче, свѣтлѣй.
А въ вальсѣ—чудесномъ кошмарѣ,
Безумная пляска страстей!
Всѣ ищутъ земного забвенья.
Блестящая жизнь—суета.
Гдѣ истинный путь наслажденья?
Ты, счастье, лишь призракъ всегда!
Блескъ жизни мнѣ сердце терзаетъ.
И чудится другъ мнѣ больной
Лежитъ въ тишинѣ, умираетъ
Томимый безмолвной тоской.
Онъ вспомнилъ любовь и мечтанья
Прошедшихъ счастливѣйшихъ дней,
И міръ суеты и страданья
Казался темнѣй и темнѣй.
Горитъ предъ иконой лампада,
Какъ жизнь его, теплится чуть.
„О, дай мнѣ, святая отрада,
Скорбящей душѣ отдохнуть!“
Взглянулъ онъ съ глубокой тоскою
На свѣтлый Спасителя ликъ.
И всей истомленной душою

Хотѣлось молиться въ тотъ мигъ.
Хотѣлось въ минуту страданья
Рыдать о прошедшемъ въ тиши.
Утихло бъ больное сознанье,
Утихли бъ терзанья души...

***

Всѣ ищутъ земного забвенья.
Блестящая жизнь — суета.
Гдѣ истинный путь наслажденья?
Ты, счастье, лишь призракъ всегда.

ДЕНЬ КОРОТОКЪ... КАКЪ ЖИЗНЬ

Лѣсъ угрюмый мглой одѣтъ.
Тишина вокругъ царитъ.
Мѣсяцъ льетъ печальный свѣтъ.
Что-то душу мнѣ томитъ.
День прошелъ, какъ будто сонъ.
Кложетъ сердце мнѣ тоска.
День угасъ. Коротокъ онъ.
О, какъ жизнь вся коротка!..

ЛУННАЯ НОЧЬ.

Очами музы ночь сіяетъ.
Все въ чудномъ блескѣ голубомъ,
Луна лучами заливаетъ
Вокругъ окрестность серебромъ.
Заснула дивнымъ сномъ природа.
Затихъ и суетливый міръ,
И дышитъ сказкой съ небосвода.
И весь горитъ онъ, какъ сапфиръ.
Какъ дивно взоръ она чаруетъ,
О, эта сказочная ночь!
Въ груди восторгъ кипитъ, бушуетъ.
И счастье выразить не въ мочь!
При блѣдномъ мѣсяца сіяньѣ
Ужъ въ сердцѣ оживало вновь
Такъ много грезъ, воспоминаній,
Мечты, надежды и любовь.
И скорби жизни забывались..
Въ истомѣ сладкой, въ полуснѣ.
Деревья тихо колыхались,
А ночь шептала сказку мнѣ.
Уснуть хотѣлось и забыться
Отъ міра-суеты земной.
Лишь этой ночью насладиться,
Природой, блескомъ, красотой.

МЕЧТЫ

Когда въ раздумьи роковомъ,
Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Мнѣ кажется мелькнувшимъ сномъ
Жизнь наша—суета суетъ.
И проситъ трепетно душа
Ей лучезарнымъ сномъ уснуть.
Отъ этой жизни не дрожа
Забыться. Только отдохнуть.
Мелькнули дни. Прошли года.
Теперь ихъ снова не вернуть.
Сжимаетъ сердце мнѣ тоска,
Тѣснитъ волненье... давитъ грудь.
И мнѣ предчувствіе вѣщаетъ...

. . . . . .

Грядущее меня страшитъ
И чувство скорби пробуждаетъ.
Мечта завѣтная манитъ,
Мечта возвышенныхъ стремленій;
Воскресни, мнимая мечта!
О, грезы сказочныхъ видѣній,
Когда-то сбудутся... Когда?
„Впередъ! безъ страха и сомнѣній"!
Свѣти же счастье ворожа...
Въ мигъ лучезарныхъ озареній
Воспрянетъ радостно душа!!!

СВѢТЛЫЯ НАМѢРЕНІЯ

Стальная гладь была такъ зыбка.
Вода зеркальная чиста.
Плѣнила жизнь меня улыбкой,
Дарили счастье небеса.
Я былъ восторгомъ упоенный...
Сіяло небо бирюзой.
Съ природой, солнцемъ озаренной,
Хотѣлось слиться всей душой.
Святою мыслью осѣненный,
Я сталъ молиться, зарыдалъ.
Отъ чувствъ весеннихъ, опьяненный,
Хвалу я небу возсылалъ.
Какъ сонъ я видѣлъ музу счастья.
Она явилась предо мной.
Ее въ день чернаго ненастья
Я звалъ страдающей душой.
Въ сіяньѣ неба голубого
Прекрасный обликъ возникалъ...
И въ блескѣ солнца золотого
Я голосъ музы услыхалъ.
Какъ пѣсни рая прозвучали.
Тѣ рифмы звучнаго стиха.
И въ душу глубоко запали,
Какъ пламя, жгучія слова.
„Дарю тебѣ святую лиру.
И будь пѣвцомъ счастливыхъ дней.
Повѣдай горестному міру:
„Вражда—безуміе людей...

И звучной лирою священной
Святыя чувства ты буди.
А мыслью—искрой драгоцѣнной,
Стремленья яркія зажги.
Но лишь сомнѣнья закрадутся,
Потухнетъ смѣлая мечта,
И струны лиры оборвутся,
Поэтъ погибнетъ навсегда.
Изсякнутъ свѣтлыя стремленья,
И въ сердце заползетъ печаль.
И будетъ въ жизни намѣренья
Въ душѣ померкнувшія жаль.
Страшись. Одно уединенье
Ищи отъ міра суеты.
Ищи счастливаго мгновенья
И созерцанья красоты.
Въ душѣ терзанья и сомнѣнья
Разсудокъ ясный побѣдитъ.
Къ тебѣ на крыльяхъ вдохновенья
Святая муза прилетитъ.
Дорога къ счастью есть терпѣнье,
Нѣтъ счастья въ жизни безъ труда.
Святое помни назначенье,
Иди, куда влечетъ мечта.
Словами—пламеннымъ потокомъ,
Зажги стремленья свѣтлѣй,
Буди отчизну. Будь пророкомъ,
Какъ лучъ надежды ясныхъ дней.

ПРЕДСМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

. . . . . .

Онъ умиралъ. Прощальный взоръ
На небо устремилъ съ мольбою.
Во взглядѣ виденъ былъ укоръ
Съ невыразимою тоскою.
Глаза блестя отъ слезъ, дыша.
Страданьемъ, сердце разрывали.
Въ нихъ выражалася душа
Изнеможеній и печали.
О прежней жизни онъ мечталъ,
А мысли передъ нимъ мелькали:
„Къ чему я жилъ. . зачѣмъ страдалъ?“
Его уста чуть—чуть шептали:
— „Моя душа скорбитъ давно,
И жизнію всегда томилась.
Ужъ полстолѣтія прошло.
Какъ много, много измѣнилось...
Уже состарился и я,
Стремленья, силы упадаютъ.
Прошли года. Вся жизнь моя
Прошла. Лишь теплится мерцая.
Я неизбѣжной смерти жду.
Лампада жизни догораетъ...
Къ чему въ страданьяхъ я живу?
Мысль неотвязчиво витаетъ.“

„Всплываютъ въ памяти моей,
Картины дѣтства. И такъ много
Счастливыхъ беззаботныхъ дней
Я вижу дѣтства золотого.
И свѣтлой юности тѣ дни,
Пора надеждъ, мечты, стремленій
И первой сладости любви,
И муки страстныхъ увлеченій.
Къ чему страдалъ? Зачѣмъ я жилъ?
Все промелькнуло какъ видѣнье.
Прощайте всѣ, кого любилъ.
Прощайте!.. Смерть родитъ прощенье.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Жизнь—суета. И, какъ счастье, невѣчная.
Ужаса смерти полна.
Все въ ней коротко. О, жизнь быстротечная!..
Ты и свѣтла и темна!

***

Смерть—это вѣчность и сонъ безмятежный.
Смерть—это царство тиши.
Чувства убиты навѣкъ безнадежно.
Смерть-это отдыхъ души.

ПОТУХШЕЕ СЧАСТЬЕ.

Отравленный чернымъ сознаньемъ,
Мечтаетъ страдалецъ слѣпой.
Измученный тяжкимъ терзаньемъ,
Груститъ онъ о жизни былой.
Нѣтъ прежнихъ счастливыхъ мгновеній
Вѣдь очи потухли его.
Потухло и пламя стремленій...
Въ душѣ, какъ въ могилѣ, темно.
„Когда же изсякнутъ страданья?
Мнѣ жизни не надо во тьмѣ.
О, искра моя упованья,
Померкла—въ могилѣ душѣ."
О жизни прошедшей мечтая,
Страдалецъ безумно груститъ.
А сердце тоска разрывая,
О свѣтлыхъ годахъ говоритъ.
Промчалось коварное счастье,
Прошли лучезарные дни.
Кошмарные годы ненастья
На смѣну мелькнувшей любви.
Есть въ жизни одно утѣшенье—
Онъ музыку страстно любилъ.
И звуковъ души пробужденья,
Лишь слухъ его жадно ловилъ.
Онъ вспомнилъ отъ жизни забвенье
И скрипку къ груди онъ прижалъ...
Чу! къ жизни враждой и презрѣньемъ

Аккордъ въ тишинѣ прозвучалъ.
Мотивъ безысходной печали,
Звучалъ о терзаніяхъ вновь.
Картины былого вставали,
И въ сердцѣ горѣла любовь.
А звуки лились и рыдали,
Въ печали ища красоту...
И счастье въ душѣ зажигали,
Потухшее счастье—мечту.

РУСАЛКА.

Медленно, тихо русалка плыла,
Томно качаясь на гребнѣ волны.
Въ чудныя, свѣтлыя страны звала,
И навѣвала волшебные сны.
И зазывала красавца къ себѣ.
Но не поддался тотъ чарамъ ея.
Что тамъ таилось въ морской глубинѣ?
Такъ безъ отвѣта осталось на все.
Молодъ былъ юноша. Съ жизнью борьба
Лишь предстояла ему впереди.
Позже грустилъ, проклиная себя,
Звалъ онъ русалку: „Я твой!... О, приди!...“
Но ужъ не плыла русалка къ нему.
Но ужъ не слышались зовы ея.
Какъ онъ грустилъ... восклицалъ: „Почему
Я оттолкнулъ тогда счастье свое!.“

ИСЦѢЛЯЮЩІЙ СВѢТЪ.

Въ клѣткѣ душной звѣринца, въ темницѣ своей,
Бьется левъ—царь пустыни, и грозно рычитъ.
Жаждой яркаго солнца и жгучихъ лучей,
Жаждой свѣтлой свободы невольникъ горитъ.
Чрезъ рѣшетку темницы проникли къ нему
Золотые лучи. Солнца блики легли.
Эти милые блики горятъ на полу..
Смотритъ пристально левъ. И пустыня вдали
Ему чудится... О, безпредѣльный просторъ!
Золотистою пылью курится песокъ.
Солнце жгуче пылая, слѣпитъ его взоръ...
Онъ властитель одинъ. И надъ нимъ его Богъ.
Только въ этомъ просторѣ ему хорошо.
Только въ этомъ онъ видитъ блаженство и рай.
Онъ одинъ властелинъ. Вся пустыня его.
Гдѣ ты царство мечты чудный, солнечный край.?
А давно ли онъ нѣжился въ теплыхъ пескахъ.
И хрустальныя воды въ оазисахъ пилъ.
Колыхались чуть пальмы въ красивыхъ вѣнцахъ
И онъ сказку чудесную въ шорохѣ мнилъ.
Тихо, тихо заплакалъ страдающій левъ,
Вспомнивъ жизни счастливые, свѣтлые дни.
Въ сердцѣ тлѣла чуть злоба... И вспыхнулъ вдругъ гнѣвъ.

Мысль мелькнула: О, люди!... жестоки они ...
— Оживи мою душу, разсѣй эту мглу,
О, могучее солнце, ты слышишь меня!
Не могу я привыкнуть къ неволѣ. Умру
Я въ прощальныхъ лучахъ отгорѣвшаго дня.
Вотъ блеснула пустыня... раздвинулась даль.
Чу! реветъ и зоветъ его львица туда.
Но потухли лучи. Мракъ одинъ. И печаль
Снова душу томитъ... Не воскреснетъ мечта.
Онъ всецѣло во власти окутавшей тьмы.
И бросается левъ, въ изступленіи, злой.
И желѣзную клѣтку грызетъ онъ тюрьмы
И рычитъ онъ и молитъ съ глубокой тоской.
— „Ты, о солнце всесильное, солнце, мой Богъ!
Надъ людьми, свою власть, свою мощь покажи!
Накажи злыхъ людей, какъ карающій рокъ,
Ты своими лучами всю землю зажги!
Пусть погибну и я. Пусть сгорю я въ огнѣ
Отъ твоихъ всемогущихъ палящихъ лучей.
Буду славить тебя. Буду гимнъ пѣть тебѣ.
Солнце, солнце—Господь, всѣхъ ты ярче,
сильнѣй!

Но увы! безполезны всѣ грезы, мольбы.
Не откликнется солнце, не дастъ свой отвѣтъ.
И не шлетъ ужъ оно съ голубой высоты
Исцѣляющій душу чарующій свѣтъ.

ПѢСНЬ ТРУДУ.

Даль безконечна...
И на просторѣ
Бушуетъ вѣчно
Стихія—море.
Но люди смѣлы.
И все имъ надо!
Взялись за дѣло.
И вотъ преграда
Создалась морю.
Оно бурлило...
Въ стихійномъ горѣ
Все затопило...
Но планы гордо
Выводитъ геній.
И люди тверды
Въ своемъ рѣшеньи.
И начиналась
Работа снова,
И подвигалась
Постройка мола.
Смывали волны
Опять преграду.
„Мы вѣрой полны.

Мечту—отраду
Осуществимъ мы.
И нѣтъ сомнѣній!
Непобѣдимы
Мы въ единеньи.
Насъ называютъ
Съ судьбой бойцами.
Насъ жизнь бросаетъ
На смерть толпами...
Мы молъ воздвигли
При вопляхъ горя.
И побѣдили
Стихію—море.
И тщетно волны.
Пѣнясь, кипѣли...
Мы счастьемъ полны,
Труду гимнъ пѣли:
— „Всегда дающій
Мечту—отраду,
Трудъ всемогущій
Несетъ награду,
Тому, кто вѣритъ
Въ свое призванье,
Въ чьемъ сердцѣ тлѣетъ
Проблескъ желанья.
Въ часы ненастья
Сердца горѣли
Лишь жаждой счастья,
Лишь жаждой цѣли.“

Все тихо стало.
Смирилось море.
И зазвучала
Пѣснь на просторѣ.
Стихія чутко
Вокругъ внимала.
Вдругъ грозно, жутко
Загрохотала...
Она кипѣла.
Она рыдала.
Но пѣснь гремѣла,
И заглушала...

ПРОЩАЛЬНЫЯ ВИДѢНІЯ.

Жаждой къ жизни сгорая, онъ лежалъ, умирая,
И шепталъ: „проклинаю всей душою войну.
Эта высь голубая, я туда улетаю
И тебя оставляю въ этомъ мірѣ одну.
Въ небѣ что-то летаетъ... что-то бѣлое... знаю!
Это души витаютъ, но не міра сего,
Вотъ онѣ вырастаютъ, вотъ онѣ нависаютъ
И меня подымаютъ... мнѣ свѣтло и легко.
Облаковъ бѣлыхъ стая... обликъ твой, дорогая
Говоритъ, выплывая:—какъ люблю я тебя!
Я туда улетаю, этотъ міръ оставляю
И тебя покидаю, безконечно любя."

ПѢСНЬ КОЛОКОЛОВЪ.

Надъ Москвой первопрестольной
Звонъ рѣзвится колокольный.
Въ умиленьи богомольный
Православный людъ въ церквахъ.
День весенній. День лучистый.
Ароматъ деревьевъ чистый.
И въ окраскѣ золотистой
Купола горятъ въ лучахъ.
И волшебной, непонятной
Мощной ширью необъятной
И молитвой благодатной
Дышитъ съ голубыхъ небесъ.
Слышу перезвонъ я дальній.
Звонъ рѣзвится музыкальный.
И, рѣзвясь, плыветъ, пасхальный,
И поетъ:—Христосъ Воскресъ!

ЭКСПРОМТЪ.

Старый годъ вражды и злобы
Навсегда уйдетъ.
Скоро годъ наступитъ новый,
Счастье принесетъ.
Вѣрю: годъ придетъ желанный,
Озаритъ народъ,
Свѣтлой эры долгожданной
Незабвенный годъ.

НАКЛОНИСЬ НАДО МНОЙ.

Умираю съ тоской...
Скоро часъ мой пробьетъ.
Вотъ ужъ призракъ съ косой—
Призракъ смерти идетъ...
Кто-то въ бѣломъ, иной...
Это ты! это ты!
Озаренный луной,
Обликъ полнъ красоты.
Наклонись надо мной!
Загорѣлась любовь
Озаренъ я мечтой,
Воскресающей вновь.
За мгновенье любви,
За мгновенье со мной
Всѣ богатства свои
Отдалъ бъ милой одной.
Только бъ милой одной,
Но она далеко...
Наклонись надо мной,
И умру я легко.
Дай проститься съ тобой,
Прошепчи: не грусти...
Наклонись надо мной,
И навѣки прости!...

ОБЛАКА.

Руна бѣлоснѣжныя
— Облака жемчужныя
Гармоничны съ нѣжною
Бирюзой охружною.
Въ нихъ есть незамѣтное:
Крылья ль лебединыя?
Чаекъ ли несмѣтныя
Вереницы длинныя.?
Мощны необъятныя
Облака громадныя
Вѣетъ благодатное
Чувство съ нихъ отрадное.
Надо мной раскинулась
Небо—ширь безбрежная
Такъ туда бъ и ринулся
Я душой мятежною
А оттуда кинулъ бы
Взоръ свой торжествующій,
И земли картину бы
Созерцалъ ликующій.

ЧУТКІЯ СТРУНЫ ДУШИ.

Въ сердцѣ тоска утихала...
Слышалъ я сказку въ тиши.
Тихо молилась... рыдала
Чуткая арфа души.
Гимнъ мірового страданья
Дивно и смѣло звучалъ.
Свѣтлыя чувства, желанья
Въ сердцѣ моемъ пробуждалъ.
Я молилъ свѣтлаго счастья.
Я молилъ падшихъ жалѣть.
Мигъ лишь святого участья
Душу способенъ согрѣть.
Больше мнѣ счастья не надо.
Грустно и жутко въ тиши.
Только святая отрада—
— Чуткія струны души.

ПОКА ГОРЯТЪ ВЪ ДУШѢ СТРЕМЛЕНЬЯ...

О, ты усталъ бороться съ испытаньемъ!
Но смѣло стой на жизненномъ пути...
Ты изнемогъ, подавленный терзаньемъ.
Такъ свѣтлой вѣрой путь свой освѣти.
Но лишь осилятъ черныя желанья,
Тогда стремленья къ счастью въ жизни нѣтъ.
Когда изсякнутъ силы упованья,
Тогда въ душѣ твоей померкнетъ свѣтъ.
Но лишь мечты о счастьѣ озаряютъ,
Такъ въ силѣ ты еще борьбу вести.
При мысли свѣтлой сердце замираетъ
И что-то радостно кипитъ въ груди.
Взгляни на жизнь безъ страха и сомнѣнья!
И вспыхнутъ снова яркія мечты.
Пока горятъ въ твоей душѣ стремленья,
Сіяетъ блескъ духовной красоты.

ПОСЛѢДНІЙ АККОРДЪ.

Рояля звуки создавая
Міръ красоты, въ сердца рвались...
Какъ бы моляся и рыдая...
Аккорды нѣжные лились,
Бравурно грозно возрастая,
Раскатъ могучій грохоталъ.
И тише, тише замирая
Аккордъ послѣдній прозвучалъ,
Я въ чарахъ нѣги, въ чарахъ ласки.
Я въ чарахъ сладостнаго сна.
Туда, умчаться въ царство сказки
Душа желаніемъ полна.
И много свѣтлыхъ сновидѣній
Моя фантазія творитъ.
Душа полна святыхъ стремленій,
Восторга пламя въ ней кипитъ.
А въ сердцѣ радостно и жутко
Аккордъ звучитъ одинъ въ тиши...
Онъ такъ легко проникъ... и чутко
Задѣлъ струну моей души.

ЭКСПРОМТЫ—ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

Изъ сердца льется слово---звукъ,
А рифма есть души аккордъ.
Совѣтъ тебѣ, мой лучшій другъ,
Будь честенъ, смѣлъ. И въ жизни твердъ.

* *
*

Гдѣ смѣлый планъ, тамъ нѣтъ сомнѣній.
Святая мысль родится въ мигъ.
Безумный рискъ выводитъ геній.
Онъ мысли Богъ, всегда великъ.

ВОСМИСТИШІЯ.

Святое чувство —
Огонь стремленій—
Любовь къ искусству
Рождаетъ геній
Таланты гдѣ же?
Ихъ зарываютъ...
Тая въ себѣ же,
Глупцы не знаютъ.

* *
*

Мы во власти коварнаго случая.
Мы всецѣло во власти судьбы.
Даже жизнь насъ, лаская и мучая,
Послѣ долгой, но тщетной борьбы
Высылаетъ намъ смерть безпощадную...
Какъ забвенье, приходитъ она.
И стремленья святыя и жадныя
Сыпетъ въ пропасть глухую безъ дна.

ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Онъ любилъ помечтать. И чего то все ждать.
Былъ старикъ? Нѣтъ, былъ молодъ и въ силѣ!
А ему бы все спать, жизнь свою коротать.
Нѣтъ, насытишься спать и въ могилѣ!
Пожалѣешь потомъ о прошедшемъ своемъ.
Да ужъ поздно, и жизнь не воротишь.
Выплываетъ фантомъ, смерть во мракѣ ночномъ...
„Ахъ пришла ледянная... хохочешь!...
Я не думалъ о томъ, есть ли цѣль въ жизни? въ чемъ?
О продли жизнь!“ Отвѣтъ слышенъ:—„просишь“!
Жаждалъ ты свѣтлымъ сномъ, позабыть обо всемъ,
Такъ чего же, чего же, ты хочешь?“

ПОПРАВКИ:

Стран:	Строка:	Напечатано:	Слѣд. читать:
20	3 сверху	Крылатое миръ	Кровавую месть
27	9 сверху	Скрывающимъ	Сверкающимъ